

КАК ПРОЕХАТЬ ПО СТОЛИЦЕ?

Григорий ГОЛЬЦ,
доктор географических наук,
главный научный сотрудник
Института народно-хозяйственного
прогнозирования РАН

В последние годы город загрузили легковые автомобили, стало трудно ездить, и вместо расширения столица начала... сжиматься. Ведь каждый город имеет свои естественные границы, которые определяются не административными решениями, а транспортной доступностью. Для Москвы это устойчивый эмпирический показатель, константа. Если средний горожанин сможет добраться из центра до любой окраины не более чем за 30 минут, значит, он действительно живет в городе. (Кстати, и до революции,

когда Москва была намного меньше, этот показатель был тот же. Но когда началось администрирование, то константа искажалась, и для нынешней столицы она равна 1 часу.)

В 1960 году провели границу города по старой кольцевой автодороге, и жители окрестных деревень в один день стали москвичами. Но с точки зрения транспортного обслуживания многие по-прежнему живут в пригороде. Естественные границы города проходят неподалеку от крупных транспортных магистралей, и если бы они были видны, то

Москва напоминала бы морскую звезду с лучами, вытянутыми вдоль веток метро. Как известно, это самый быстрый и надежный транспорт, потому и влияет на границы больше, чем любой другой.

Москва рассчитана на 150 - 180 автомобилей на тысячу жителей, а сейчас этот показатель превышен почти вдвое. Нужного количества дорог у нас нет, а насыщение города автомобилями идет, невзирая на транспортные возможности. Уже сегодня в центре трудно проехать, а через 10 лет в городе будет 400 - 450 автомобилей на тысячу жителей, и никакие транспортные кольца не помогут. Кроме метро вы ни на чем не сможете передвигаться - это можно доказать на цифрах. Ведь во всех городах мира чем дальше от центра, тем меньше плотность населения. Но не в Москве, где на-

рушены многие естественные закономерности...

Проблему усугубляет и активное многоэтажное строительство. Квартиры покупают в основном обеспеченные люди, имеющие одну-две машины на семью. Когда они выедут на улицы, то придется стоять в пробках. Кардинальный выход один: многоэтажки следует строить только под офисы, а люди должны жить в особняках, как, собственно, когда-то и было. Деньги следует направить на обустройство загородного жилья - коттеджей, садовых участков, где пока нет сантехники, а поблизости - торгового и медицинского обслуживания. Надо помочь москвичам обустроить эту жизнь, но проблема в том, что у города и области разные хозяева.

В Америке, например, где автомобилей вдвое больше, люди предпочитают жить подальше от город-

ской суеты, в отдельном доме. Напомню, что население там больше нашего, а территория - гораздо меньше. Так живут сейчас и в Западной Европе, потому что иначе нельзя совместить всеобщую автомобилизацию с нормальной жизнью.

Но что будет, если в час пик сотни тысяч автомобилей устремятся из пригородов в столицу? У станций метро должны быть просторные автостоянки - дальше придется ехать подземным транспортом. Но и он не выдержит растущей нагрузки, поэтому нужно продублировать линии, располагая станции в шахматном порядке. Можно использовать также опыт Парижа, где параллельно обычному метро идут скоростные ветки.

Кое-что в этом направлении у нас уже делается: появились так называемые перехватывающие парковки; начато строительство

экспресс-линии метро; будет в столице и наземный монорельсовый транспорт. Стоит подумать и о многоэтажных дорогах, как в Токио, - в два-три этажа. У нас уже есть подобные развязки, но их слишком мало.

В перспективе потребуются другие автомобили - бесшумные, экономичные, экологически чистые. В США, кстати, уже разработаны экспериментальные автомобили, которые тратят чуть ли не полтора литра топлива на сто километров. Есть и новые виды топлива, но в течение полувека эти разработки или пресекали, или скупали, чтобы упрятать в стол: мощным автогигантам подобные новации не нужны.

Между тем в Москве число жителей растет, и это объективный процесс, остановить который не удастся. Поэтому нужны продуманные решения, основанные на знании. Действовать вслепую, пробуя и ошибаясь - дорого, долго и опасно.

На прошлой неделе работники заповедников отмечали свой профессиональный праздник, к чему и был приурочен наш брифинг «Организация и развитие системы государственных природных заповедников и национальных парков на современном этапе». Там мы и озвучили актуальнейшую проблему объектов, охраняемых Министерством природных ресурсов, - создание новых заповедных территорий в России.

На сегодня в нашей стране сто заповедников, занимающих более тридцати миллионов гектаров, и 35 национальных парков, раскинувшихся на семи миллионах гектаров. Практически все это богатство находится в ведении Министерства природных ресурсов, за исключением четырех заповедников, функционирующих в системе Российской академии наук, и одного, принадлежащего Министерству образования.

Существующей ныне системе особо охраняемых территорий уже 85 лет. Правда, если первый, Баргузинский, заповедник в России появился еще в 1916 году, то первый национальный парк был образован лишь 67 лет спустя. Начиная с 1992 года Министерством природных ресурсов было создано 26 новых заповедников и 18 национальных парков, а у большинства уже существующих

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОДЕКС ПРОТИВ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА

Амирхан АМИРХАНОВ,
руководитель департамента
особо охраняемых природных территорий,
объектов и сохранения биоразнообразия
Министерства природных ресурсов России

расширены территории. Природные зоны занимают ныне около десяти процентов территории России. Правда, в эту десятку входят и оздоровительные санатории, пансионаты, курорты, в общем, те места, где хозяйственная деятельность отнюдь не запрещена. Нетронутых человеком зон лишь чуть больше полутора процентов, чего по любым стандартам очень мало. К слову, в Америке заповедных зон в два раза больше, хотя территория США относительно меньше территории России. Более того, за рубежом давно уже существует практика, когда государством специально прикупаются новые земли для национальных парков и заповедников.

Не так давно вышел в свет указ Президента Российской Федерации, где министерству дано указание увеличить площадь существующих ныне заповедников до

трех процентов. Надо сказать, что такая цифра появилась отнюдь не случайно: по подсчетам специалистов, именно в этот процент можно, так сказать, уложить все типы ландшафтов, существующих в стране, а их у нас десятки: тундра, хвойные и лиственные леса, степи, горы и приморские территории...

Не секрет, что экологическая обстановка в мире ухудшается очень быстро. К сегодняшнему дню 15 процентов территории нашей страны полностью освоено: на этой площади проживают более 60 миллионов человек, сосредоточены промышленные предприятия, самая неблагоприятная экологическая обстановка. Понятно, что эти 15 процентов за несколько лет могут вырасти. А заповедники позволяют оставить нетронутые островки природы с полностью сохраненной на них флорой и фауной.

Конечно, некоторые заповедники и национальные парки, созданные рядом с такими территориями, испытывают значительный пресс экологических проблем. Например, известный москвичам Лосиный остров со временем может просто исчезнуть: причиной тому - загрязненная атмосфера мегаполиса, осадки, выбросы. Да и население Москвы вносит свою лепту в засорение парка. Таких проблемных территорий в России немало. Только за 2002 год было выявлено более восьми тысяч нарушений природоохранного законодательства, возбуждено почти две тысячи уголовных дел, взыскано три миллиона рублей штрафов. И если мы не будем сохранять то, что есть, а также создавать новые заповедники, то это обернется для экологии страны большими проблемами.

Казалось бы, создать новый заповедник, имея в активе огромные территории и указ президента, - проблема небольшая. Не тут-то было! Сейчас существует пять проектов, которые по сути стоят на месте. И главным препятствием здесь стал... новый Земельный кодекс.

Дело в том, что заповедники и национальные парки относятся к той категории земель, где запрещена какая бы то ни было хозяйственная деятельность. Но механизм изъятия этих земель из пользования пока нет. Мы предлагали законодателям два варианта: либо внести поправки в Земельный кодекс, либо принять соответствующий закон. Ни то, ни другое на сегодня не сделано. В результате, объявляя о том, что на какой-либо территории создается заповедник, мы оставляем ее юридически незащищенной. При том, что эти участки представляют лакомые кусочки для предпринимателей, желающих их купить или взять в аренду. И если как можно скорее не решить эту «формальность», то на месте будущих заповедников протянутся нефтепроводы или будут стоять симпатичные коттеджи.

По моему личному мнению, юридических проблем в обустраивании заповедных, то есть экологически чистых, зон вообще не должно существовать. Работникам нашего департамента все равно, к какой категории относятся земли, - нам важно их сохранить для будущего. Но именно это пока остается проблемой...

СЛАБЫЙ ДОЛЛАР - ЭТО СИЛЬНО

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
«Московской среды»

Сегодня за доллар еще тридцатку дают. Завтра, как знать, и в морду дадут. Примерно так можно перефразировать известное выражение Салтыкова-Щедрина применительно к текущему валютному моменту. Это, конечно, чересчур уж гипотетическое предположение. Но вместе с тем нельзя не признать: доллар становится все более слабой валютой. И в России, и в Европе, и в мире.

Который уж день продолжается его падение. 17 октября обменники скупали доллар за 30 рублей. 20 октября - уже ниже 30 рублей. Некоторые пункты обмена валюты покупали его

по 29,5 рубля. Такого курса мы не видели больше полутора лет - с декабря 2001 года.

От еще большего падения доллар спасло только вмешательство Центробанка РФ. Решив установить его курс волевым порядком, ЦБ дал ясно понять, что слишком уж сильно укрепление рубля не входит в его планы. Первый зампред ЦБ Олег Вьюгин заявил, что считает происходящее на валютном рынке «кратковременной спекулятивной ситуацией, которая скоро закончится».

Многие эксперты, однако, убеждены, что доллару суждено дешеветь и дальше. Кое-кто из них прогно-

зирует 29 рублей за 1 «зеленый» к концу года. Что же с американской валютой творится?

А происходит, собственно, то, о чем говорит Минфин США: сильным долларом можно считать даже доллар падающий. За этой словесной эквилибристикой кроется очень простая мысль: в США просто-напросто не держатся за сильный доллар.

По большому счету, нынешние проблемы доллара - явление чисто конъюнктурное. Во всяком случае до сих пор не было никаких объективных экономических обстоятельств, определяющих возникновение этих проблем.

Практически полностью все они обусловлены не чем иным, как внешнеполитическим курсом США. Несмотря на завершения войны в Ираке, мировой финансовый рынок не верит, что трудности антитеррористической миссии, взятой на себя Белым домом, по-

зи. Наоборот, инвесторы и спекулянты этого рынка скорее всего предполагают, что у США впереди еще немало проблем, способных подорвать положение дел в американской экономике и ударить по доллару. И что тот вступает в кризисный период, который растянется на длительное время.

Хотя и то правда, что от американской валюты извлекаются не только по изложенным выше рациональным соображениям. Это делают и по соображениям чисто иррациональным. То есть просто потому, что от нее извлекаются все.

Пожалуй, найти аналог сегодняшним событиям на мировом финансовом рынке можно, если вспомнить о том, что происходило с валютами ведущих европейских стран после Первой и Второй мировых войн. Сразу после их завершения эти валюты становились слабее по сравнению с швейцарским франком - валютой нейтрального государ-

ства. Всякий, кто хотел спасти свое состояние, переводил его по возможности в цюрихские банки либо же просто обменивал обезцененные национальные бумажки на твердые швейцарские.

Сегодня континентальные европейские страны оказались в положении нейтральных государств. Именно нейтральных. Европа наконец-то не наступила на старые грабли, уступив это удовольствие США. Именно это хотелось бы подчеркнуть, поскольку в прессе положение Франции и Германии часто оценивается чуть ли не как положение государств, проигравших войну вместе с Ираком.

В отличие от весьма субъективно настроенной прессы мировой финансовый рынок рассматривает Европу как нейтральный регион, обезопасивший себя от тяжести военного бремени. Отсюда и укрепляющиеся позиции евро.

Однако не рубль. Укрепление рубля имеет несколько иную природу. Хотя от доллара, как показывает статистика, население активно избавляется и у нас. Но рубль укрепляют также высокие цены на нефть и экономический рост, существенно превышающий по темпам и американский, и европейский. В то же время положение рубля в отличие от евро нестабильно, поскольку цены на нефть, видимо, все же рано или поздно упадут.

Тем не менее в целом нынешняя конъюнктура мирового финансового рынка выгодна России. Наш основной торговый партнер - Европа. А потому даже при слабеющем долларе конкурентоспособность российских предприятий - в той мере, в какой она определяется валютным курсом, - не слишком сильно падает. В этом, кстати, одно из объяснений того, почему у нас сохраняется высокий экономический рост, несмотря на все пессимистические прогнозы недавнего прошлого. Иное дело, сколь долго все это может продлиться...